

«В поисках синего» составляет
с «Дающим» идеальную во всех отношениях пару...

TheBookSmugglers.com

«Дающий» удостоен
медали Джона Ньюбери
за выдающийся вклад
в американскую литературу
для детей и подростков

ЛОИС ЛОУРИ В ПОИСКАХ СИНЕГО

Азбука-бестселлер

Лоис Лоури

В поисках синего

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Лоури Л.

В поисках синего / Л. Лоури — «Азбука-Аттикус»,
2000 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-24699-7

Кира родилась с физическим изъяном. От подобных ей в поселке сразу избавляются – таков обычай. Кире удалось выжить, но теперь, после смерти матери, она остается один на один с разгневанными соседями, требующими расправы. На суде, где решается судьба сироты, ее защитник отмечает: девочка обладает удивительным умением. И это умение сыграет в судьбе Киры решающую роль...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-24699-7

© Лоури Л., 2000
© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

1	6
2	11
3	14
4	18
5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лоис Лоури

В поисках синего

Lois Lowry
GATHERING BLUE

Copyright © 2000 by Lois Lowry
All rights reserved

© С. Г. Петров, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

ЛОИС ЛОУРИ
ЦИКЛ «ДАЮЩИЙ»:

ДАЮЩИЙ

•

В ПОИСКАХ СИНЕГО

1

– Мама?

Ответа не было. Да она его и не ждала. Прошло четыре дня с тех пор, как мать умерла, и Кира видела, что остатки маминой души отлетают прочь.

– Мама, – тихо повторила Кира, обращаясь ко всему, что отправлялось в небытие. Она, казалось, ощущает это движение: слабое дуновение ветерка тихой ночью.

Теперь она осталась совсем одна. Кире было очень одиноко и грустно, она не знала, что ей делать дальше.

Ее мать Катрина, всегда такая добрая и улыбчивая, после быстрой и неожиданной болезни превратилась в тело, в котором еще оставалась душа. А спустя четыре восхода и четыре заката ушла и душа. Теперь это было просто тело. Скоро должны были прийти копатели и зарыть его, но все равно Катрину съедят голодные твари, приходящие по ночам. Затем кости распадутся, сгниют и раскрошатся, смешаются с землей.

Кира быстро вытерла рукой глаза, которые наполнились слезами. Она любила свою мать и будет страшно скучать по ней. Но пора было идти. Она воткнула посох в мягкую почву, оперлась на него, встала и неуверенно оглянулась вокруг.

Она была молодой и никогда до этого не сталкивалась со смертью, во всяком случае, ни разу не видела, чтобы в семье из двух человек умирал один. Конечно, ей доводилось смотреть на то, как погребальные ритуалы совершали другие. Она и сейчас видела людей на зловонном Покидай-поле – они стояли, сгрудившись возле тех, чью испаряющуюся душу охраняли. Она знала, что где-то здесь женщина по имени Елена наблюдает за тем, как душа уходит из тела ее преждевременно родившегося ребенка. Елена пришла на Поле накануне. За младенцами не нужно следить четыре дня – их крошечная душа, едва пришедшая в этот мир, отлетает быстро. Так что Елена скоро вернется в поселок к своей семье.

А вот у Киры теперь не было ни семьи, ни дома. Хижину, в которой жили они с матерью, сожгли. Так всегда делали, когда кто-то заболел и умирал. Лачуги, служившей Кире домом с рождения, больше не было. Сидя возле тела, она видела поднимающийся вдали дым. Вместе с душой матери в небо, кружась, отлетали обгоревшие кусочки Кирино детства.

Ее передернуло от страха. Страх всегда был частью жизни людей. Именно страх заставлял их строить себе укрытия, искать пищу и выращивать растения. А еще делать и копить оружие. Был страх холода, болезни и голода. Был страх тварей.

Именно страх сдвинул ее с того места, где она стояла, облокотившись на свой посох. Она бросила последний взгляд на безжизненное тело, которое раньше было ее матерью, и стала думать, куда пойти.

* * *

Надо строить новый дом, решила Кира. Если она сможет найти помощь, то управится быстро, особенно сейчас, в начале лета, когда ветки деревьев гибкие, а на берегах реки полно густой глины. Но скорее всего, придется все делать самой. Кира не раз видела, как строят другие, и понимала, что, наверное, сможет соорудить себе какое-то укрытие. Конечно, наверняка стены получатся косыми, а очаг кривым. И трудно будет настилать крышу: из-за больной ноги она вряд ли сможет залезть наверх. Но она что-нибудь придумает. Как-нибудь да выстроит себе хижину. А затем решит, на что жить.

Ее дядя, брат матери, два дня провел на Поле, но он охранял не Катрину, свою сестру, а безмолвно сидел возле тел своей жены, вспылчивой Солоры, и их только что родившегося

младенца, которому даже не успели дать имя. Встретившись, Кира и брат ее матери только кивнули друг другу. Но сейчас он уже ушел, поскольку его время на Поле закончилось. Ему надо было заботиться о детях: у них с Солорой их осталось двое. Они были еще маленькими, и их пока звали односложно – Дан и Мар. «Может, я буду за ними присматривать», – подумала было Кира, пытаясь представить свое будущее в поселке. Но сразу же поняла, что ей этого не разрешат. Детей Солоры заберут и отдадут бездетным. Здоровые и сильные малыши ценились высоко: если их хорошо воспитать, они будут служить семье и приносить ей пользу.

А Киру ценить никто не будет. Никто, кроме матери, никогда не ценил ее. Катрина часто рассказывала Кире историю ее рождения – рождения девочки без отца и с вывихнутой ножкой – и как матери пришлось бороться, чтобы сохранить ей жизнь.

– За тобой пришли, – шептала Катрина, сидя вечером в хижине у ярко пылавшего огня. – Тебе был всего один день, у тебя не было имени, даже односложного.

– Имени Кир.

– Да, правильно: Кир. Мне принесли еду и собирались забрать тебя на Поле.

Киру передернуло. Так было принято, таков был обычай, и это было милосердно – отдать обратно земле безымянного и ущербного младенца до того, как в нем поселится душа и он станет человеком. Но она все равно поежилась.

Катрина погладила волосы дочери.

– Они не хотели тебе зла, – напомнила она.

Кира кивнула.

– Они не знали, что это была я.

– Но это еще и не была ты.

– Расскажи еще раз, почему ты сказала им «нет», – прошептала Кира.

– Я знала, что у меня не будет другого ребенка, – вздохнула мать, вспоминая. – Твоего отца забрали твари. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он ушел на охоту и не вернулся. Поэтому у меня больше не могло быть детей. Да, возможно, когда-нибудь мне бы дали на воспитание сироту. Но уже тогда – хотя твоя душа еще только вселялась в тебя, а твоя ножка была вывернута и было понятно, что ты никогда не будешь бегать, – уже тогда у тебя был умный взгляд. Я видела в твоих глазах нечто необычное. А еще у тебя были длинные пальцы.

– И сильные. У меня были сильные руки, – добавила Кира довольно. Она столько уже слышала эту историю, но всякий раз опускала глаза и с гордостью смотрела на свои руки.

Мать улыбнулась:

– Очень сильные. Ты схватила мой большой палец и не хотела его отпускать. Ты так крепко в меня вцепилась, что я просто не могла тебя отдать. Я просто сказала им «нет».

– Им это не понравилось.

– Но я не сдавалась. И конечно, еще был жив мой отец. Он уже был старый, четырехсложный, а до этого он долгое время был вождем, Главным Хранителем. Его уважали. И твой отец тоже стал бы уважаемым вождем, если бы не погиб на большой охоте. Его успели избрать Хранителем.

– Скажи мне, как его звали, – попросила Кира.

Мать улыбнулась. На ее лицо падал отблеск от очага.

– Кристофер, – сказала она, – ты же знаешь.

– Мне приятно слышать его имя. Я люблю, когда ты его произносишь.

– Рассказывать дальше?

Кира кивнула:

– Ты не сдавалась, ты стояла на своем, но они заставили тебя пообещать, что я не стану обузой. Но ведь я и не стала, правда?

– Конечно нет. Ты хромаешь, зато у тебя сильные руки и светлая голова. Ты хорошая помощница в ткацкой артели; это говорят все женщины, которые там работают. Хромая нога –

ерунда, ты ведь у меня умница. А какие истории ты рассказываешь малышам, какие картины ты сплетаешь из слов и нитей! А как ты вышиваешь! Ничего подобного люди никогда не видели. Я бы никогда так не смогла!

Она замолчала, а потом улыбнулась:

– Ну все. Захвалю тебя еще. Не забывай, ты пока ребенок и тебе надо слушаться взрослых, а ты что? Утром, например, забыла прибрать в доме, хотя обещала.

– Завтра не забуду, все сделаю, – сонно сказала Кира. Она лежала на толстой циновке, прижавшись к матери и вытянув ногу так, чтобы было удобно спать всю ночь. – Обещаю.

* * *

А теперь у нее совсем никого нет, никто ей больше не поможет. Семьи у нее не осталось, а сама она не считалась в поселке особо полезной. Кира помогала ткачихам собирать обрезки ткани и прочие отходы, но из-за хромой ноги ценность ее как работника и – в будущем – как жены была небольшой.

Да, женщинам нравились сказки, которые она рассказывала малышам, чтобы их развлечь или успокоить, все восхищались тем, как она вышивала лоскутки. Но это же всё развлечения, а не работа.

Солнца на небе уже не было видно, деревья и колючие кусты, растущие по краям Покидай-поля, отбрасывали длинные тени. Значит, было уже далеко за полдень. Ей пора было уходить, но вот куда? Она осторожно собрала шкуры, на которых спала эти четыре ночи, что охраняла душу матери. От костра осталась холодная почерневшая зола. Сосуд для воды был пуст, еда закончилась.

Медленно, опираясь на палку, она ковыляла к тропе, ведущей к селению. В ней теплилась надежда, что там ее кто-то ждет.

На краю покрытой мхом поляны играли малыши. К их голым телам и волосам пристали сосновые иголки. Она узнала детей, улыбнулась. Здесь был светловолосый сын знакомых; она помнила, как он родился два солнцеворота назад. И девочка, чей брат-близнец умер; она была младше светловолосого, едва начала ходить, но смеялась и визжала вместе со всеми детьми, которые играли в догонялки. Малыши шлепали и пихали друг друга, хватали прутики и размахивали кулаками. Кира помнила, как много лет назад и ее сверстники играли в эту игру, которая готовила их к настоящим сражениям, ко взрослой жизни. А ей из-за хромоты оставалось только с завистью наблюдать со стороны.

На нее посмотрел старший ребенок, чумазый мальчик лет восьми или девяти, еще не ставший подростком и не получивший двусложного имени. Он собирал хворост и складывал его в связки. Кира улыбнулась. Это был Мэтт, ее давний друг. Мэтт ей нравился. Он жил в заболоченном Фене, наверное, его отец был волочилой или копателем. Мэтт свободно бегал по поселку вместе со своими шумными друзьями и собакой, не отходившей от него ни на шаг. Иногда он отвлекался от беготни, чтобы выполнить какую-нибудь небольшую работу за несколько монет или сладости. Кира помахала Мэтту. Кривой хвост собаки, из которого торчали веточки и листья, глухо застучал по земле, а мальчик улыбнулся ей в ответ.

– Так ты чего, с Поля обратно? – спросил он. – Ну и чего? Небось того, жуть? А твари ночью приходили?

Кира покачала головой. Односложным детям нельзя было ходить на Поле, поэтому Мэтту было интересно и немного страшно.

– Не было тварей, – успокоила она его. – Я разожгла костер, они его боятся.

– Ну, чего Катрина? Ушла из тела-то? – спросил он.

Жителей Фена всегда можно было узнать по грубому говору и таким же грубым манерам. Многие глядели на них свысока. Но не Кира. Мэтт ей очень нравился.

Она снова кивнула:

– Дух моей матери ушел. Я видела, как он покидает тело. Как дымок. Его унесло.

Мэтт подошел к ней, не выпуская из рук охапку хвороста. Он грустно посмотрел на нее и шмыгнул носом.

– Хижина твоя жуть как горела, – сказал он.

Кира вздохнула. Она знала, что ее дом, скорее всего, уже разрушен, хотя втайне надеялась, что случилось чудо и он уцелел.

– И все наши вещи сожгли? А мою рамку? Рамку для вышивания тоже?

Мэтт нахмурился:

– Почти все, того, сгорело. Сожгли только вашу хижину. Обычно, как болезнь случается, палат дом за домом. Но в этот раз только ваш.

– Да, – снова вздохнула Кира.

Раньше часто бывали болезни, распространявшиеся от хижины к хижине, и многие умирали. Тогда устраивали огромный пожар, а за ним начиналось новое торжественное строительство и с утра до вечера слышались равномерные шлепки глины, которую рабочие бросали на деревянные стены и разглаживали. Новые хижины росли, хотя запах гари от старых еще витал в воздухе.

Но сегодня никакого праздника не было. Раздавались только привычные звуки. Смерть Катрины ничего не изменила в жизни людей. Катрина была – теперь ее нет. Жизнь остальных продолжалась.

Кира остановилась у колодца и наполнила свой кувшин водой. Отовсюду слышалась ругань. В поселке постоянно звучали перебранки: грубые замечания мужчин, соперничавших между собой; визгливое хвастовство и насмешки женщин, завидовавших друг другу; крики и нытье детей, которые путались под ногами у родителей и постоянно получали от них пинки.

Кира сощурилась от вечернего солнца, приложила руку козырьком к глазам, пытаясь разглядеть пожарище на месте своей хижины, и глубоко вздохнула. Глину на берегу реки и так нелегко добывать, а еще придется далеко носить деревянные жерди. К тому же угловые балки должны быть прочными, и их будет совсем тяжело таскать.

– Мне пора строиться, – сказала она Мэтту. Он все держал вязанку хвороста в испарянных и грязных руках. – Поможешь? Вдвоем веселее. Я не смогу тебе заплатить, но буду рассказывать новые истории.

Мальчик покачал головой.

– Если не соберу хворост, побьют меня, – проговорил он и отвернулся.

Потом он снова повернулся к Кире и тихо сказал:

– Слышал, тебя прогнать хотят. Мамка-то твоя померла, вот они и отдадут тебя тварям. Хотят, чтобы волочили тебя забрали.

У Кире от страха перехватило дыхание. Но ей надо было обо всем разузнать, поэтому она старалась говорить спокойным голосом: если Мэтт поймет, что она боится, то испугается сам.

– Кто – они? – спросила она, и все равно голос задрожал и прозвучал на тон выше обычного.

– Ну эти, бабы, – ответил он. – Слышал их у колодца. Я там таскал щепу из мусора, а они меня не заметили. Короче, им нужен твой участок. Ну, где была твоя хижина. Загон им нужен, чтоб держать в нем малявок и птицу. Чтоб не бегать за ними все время.

Кира пристально смотрела на него. Как невероятно и чудовищно – какой будничной была эта жестокость. Ради загона для детей и кур женщины выставят ее из поселка и отдадут на съедение лесным тварям, которые так и ждут новой добычи.

– Кто больше всех хотел меня прогнать? – спросила она спустя минуту.

Мэтт задумался. Он теребил ветки, и было видно, что он колеблется, боится за себя. Наконец (все-таки он ее друг), оглянувшись и убедившись, что его никто не слышит, он назвал имя человека, с которым Кире предстояло бороться.

– Вандара, – прошептал он.

Кира не удивилась. И все равно ее сердце сжалось.

2

Прежде всего, решила Кира, стоит притвориться, что она ничего не знает. Она пойдет туда, где стояла их с матерью хижина, и начнет все строить заново. Вдруг один вид того, как она работает, заставит женщин передумать?

Опираясь на палку, она шла через людное селение. Те, кто ее замечал, кивали ей; но все были заняты, каждый своими повседневными делами, здесь не было принято обмениваться любезностями.

Она увидела брата матери. Вместе с Даном, своим сыном, он работал в огороде возле хижины, где еще недавно с ними жила Солора. В ее последние дни, когда она рожала и умирала, с сорняками никто не боролся. За те несколько дней, что дядя сидел у тела мертвой жены и младенца, сорняки разрослись еще больше. Шесты, по которым вилась фасоль, покосились, и он зло выравнивал их. Дан пытался ему помочь, а младшая сестра – Мар – возилась в грязи на краю огорода. Дан держал один из шестов криво, и отец стал его за это распекать, а потом сильно ударил.

Кира шла мимо, с каждым шагом сильно втыкая в землю свой посох, и готовилась кивнуть, если ее заметят. Но девочка, играющая в грязи, ныла и плевалась – она только что попробовала на вкус камешки, как это делают все младенцы, и они ей явно не понравились. Дан взглянул на Киру, но будто не узнал ее и не поздоровался; от отцовского удара он весь съёжился. Дядя, единственный брат ее матери, не поднимал глаз от своей работы.

Кира вздохнула. У него хотя бы были помощники. Если она не уговорит Мэтта и его товарищей помочь ей, то всей работой – постройкой нового дома, уходом за садом – ей придется заниматься в одиночку, и это при условии, что ей вообще разрешат здесь остаться.

У Киры заурчало в животе, и она почувствовала, что очень проголодалась. Срезав путь и пройдя за рядом низеньких хижин, она направилась к своей делянке. На месте ее дома была куча черного пепла. От утвари ничего не осталось. Но она с радостью заметила, что уцелел их маленький огород. Цветы, посаженные матерью, все еще цвели, а овощи зрели. По крайней мере на первое время у нее будет еда.

Или не будет? Пока она осматривалась, из рощицы поблизости выскочила женщина, взглянула на Киру и стала нагло выдирать морковь из их с мамой грядок.

– Стой! Это мое! – Кира, волоча больную ногу, бросилась вперед так быстро, как только могла.

Презрительно смеясь, женщина отошла в сторону. Она держала целую охапку грязной моркови.

Кира поспешила к огороду. Она поставила сосуд с водой, выдернула несколько морковок, очистила их от земли и начала есть. В семье не было охотника, и они с матерью почти не ели мяса, если не считать тех редких случаев, когда им удавалось добыть какого-нибудь зверька прямо в поселке (в лесу могли охотиться только мужчины). В реке не переводилась рыба, ее легко было поймать, и им этого вполне хватало.

Но без овощей было никак нельзя. Ей повезло, подумала она, что за четыре дня, проведенные на Поле, огород не разорили полностью.

Утолив голод, она села, чтобы дать ноге отдохнуть. На краю участка, рядом с пожарищем, лежала куча очищенных от ветвей стволов молодых деревьев, словно кто-то собирался ей помочь построить новый дом, хотя Кира на этот счет не обольщалась.

Она встала и попробовала вытащить из кучи одну из длинных жердей. Тут же с ближней полянки выскочила Вандара, которая, как поняла Кира, все это время наблюдала за ней. Кира не знала, кто муж и дети этой женщины и где они живут. Точно не по соседству. Но в поселке ее хорошо знали. О ней говорили. Ее знали и уважали. Или боялись.

Вандара была высокой и мускулистой, с длинными спутанными волосами, небрежно отброшенными назад и перехваченными ремешком. Глаза – темные и огромные, а взгляд нехороший. Говорили, что неровный шрам, который спускался от подбородка к широкому плечу, – след давней борьбы с лесной тварью. Никому еще не удавалось выжить после такой раны от когтей, и шрам говорил о том, какая Вандара смелая, сильная и злая. Дети шептались, что тварь напала на нее и поранила, когда женщина пыталась похитить у твари детеныша из берлоги.

И теперь, похоже, Вандара снова собиралась уничтожить чужого детеныша.

Но в отличие от лесных тварей у Киры не было когтей, чтобы драться. Она крепко сжала деревянный посох и старалась не показывать страха.

– Я вернулась и буду строить здесь хижину, – сказала она.

– Твое место ушло. Теперь оно мое. Это мои жерди.

– Я срублю жерди сама, – согласилась Кира, – но здесь буду строить я. Это место принадлежало моему отцу, еще когда я не родилась, а после его смерти – моей матери. Теперь, когда она умерла, оно мое.

Из соседних хижин вышли другие женщины.

– Оно нужно нам! – крикнула одна из них. – Мы построим загон для детей. Так Вандара решила.

Кира посмотрела на эту женщину, грубо державшую ребенка за руку.

– Возможно, держать детей в загоне – хорошая мысль, – ответила она. – Но не здесь. Загон можно устроить где угодно.

Краем глаза Кира увидела, что Вандара наклонилась и взяла камень размером с детский кулак.

– Ты нам тут не нужна, – сказала женщина. – Какая от тебя польза с твоей ногой? Тебя всегда защищала мать, но теперь ее нет. Убирайся! Почему ты просто не осталась на Поле?

Кира увидела, что женщины, настроенные так враждебно, ее окружают. Они выжидающе поглядывали на Вандару. У некоторых из них, заметила она, в руках тоже были камни. Когда бросят первый камень, за ним последуют и остальные, она знала это. Они все ждали этого первого камня.

«Что сделала бы мама? – думала она лихорадочно, обращаясь к частичке материнской души, живущей теперь в ней, с просьбой дать ей мудрость. – Или отец, который не узнал даже, что я родилась? Его душа тоже есть во мне».

Кира расправила плечи и заговорила ровным голосом. Она старалась встретиться глазами с каждой женщиной по очереди. Некоторые опускали взгляд, смотрели в землю. Это хорошо. Значит, они слабые.

– Вы знаете, что, если в поселении возникает ссора, которая может привести к чьей-то гибели, мы должны пойти к Совету Хранителей, – напомнила им Кира. В ответ она услышала одобрительное бормотание. Рука Вандары все еще сжимала камень, ее плечи были напряжены – она готовилась к броску.

Кира посмотрела в глаза Вандары, но теперь она обращалась к остальным, ища их поддержки. Она давила не на сочувствие, потому что знала, что никакого сочувствия нет, а на страх.

– Помните, что если о ссоре не будет сообщено Совету и если будет смерть...

Она расслышала шепот: «Если будет смерть...» Одна женщина повторяла за ней неуверенным, тревожным голосом.

Кира подождала. Она стояла, выпрямившись как только могла.

Какая-то женщина произнесла правило до конца: «...тот, кто причинил смерть, должен умереть».

– Да, тот, кто причинил смерть, должен умереть.

Эту фразу повторили и другие голоса. Постепенно женщины опустили камни. Каждая решила, что не хочет быть той, кто причинит смерть. Кира начала немного успокаиваться. Она ждала. Она наблюдала.

Наконец камень остался только в руке Вандары. Пристально глядя Кире в глаза, Вандара пугала ее, замахивалась, словно собиралась бросить камень. Но в конце концов она тоже кинула свое оружие на землю, хотя и в сторону Киры.

– Тогда я отведу ее в Совет, – объявила она женщинам. – Я хочу стать ее обвинителем. И пусть уже они ее выгоняют.

Она хрипло засмеялась:

– Нечего нам тратить свою жизнь на то, чтобы избавиться от нее. К завтрашнему закату эта земля будет наша, а она уйдет. Чтобы дожидаться тварей на Поле.

Все женщины посмотрели в сторону леса, который теперь был в глубокой тени: там ждали твари. Кира заставила себя не смотреть вместе со всеми.

Рукой, в которой только что лежал камень, Вандара провела по шраму на горле и плотно улыбнулась.

– Я помню это чувство, – проговорила она, – когда видишь, как твоя кровь льется на землю. Я выжила, – напомнила она всем, – я выжила потому, что я сильная. К завтрашней ночи, когда она почувствует когти на своей глотке, – продолжила она, – это недоразумение пожалеет, что не умерло подле своей матери.

Согласно кивая, женщины повернулись к Кире спиной и стали расходиться, браня и пиная идущих рядом детей. Солнце уже опустилось. Теперь они займутся обычными вечерними делами, готовясь к возвращению мужчин, которым потребуется еда, огонь и повязки на раны.

Одна женщина была на сносях; возможно, она родит этой ночью, а остальные будут ей помогать, заглушать ее крики и оценивать, насколько младенец будет полезен в поселке. Другие этой ночью будут совокупляться, и потом от этого появятся новые люди, новые охотники, которые придут на смену умершим от ран, болезней и старости.

Кира не знала, что решит Совет Хранителей. Она знала только одно: останется она или уйдет, будет строить свой дом или отправится на Поле и предстанет перед тварями, ждущими в лесу, она будет совсем одна. Она устало села на почерневшую от пепла землю и принялась ждать ночи.

Она потянулась за валяющейся рядом толстой веткой, стала крутить ее в руках, пытаясь понять, ровная и крепкая ли она. Если Кире позволят остаться, то для хижины ей потребуются прямые, длинные и прочные деревянные балки. Возможно, она пойдет к лесорубу Мартину. Он когда-то дружил с ее матерью. Может, предложить ему поменяться? Она вышьет что-нибудь для его жены, а он нарубит ей балок?

Для работы, которой она собиралась зарабатывать на жизнь, ей тоже потом потребуются небольшие прочные деревяшки. Эта оказалась слишком гибкой, так что она отбросила ее на землю. Завтра, если Совет Хранителей примет решение в ее пользу, она поищет подходящие короткие гладкие рейки, которые потом скрепит по углам. И получится новая рамка для вышивания.

Кира всегда хорошо работала руками. Когда она была еще ребенком, мать обучила ее пользоваться иглой: протыкать ткань и создавать с помощью цветных нитей узоры. Ее умение неожиданно перестало быть обычным: недавно у нее случился прорыв и оказалось, что она намного искуснее матери. Теперь ей не нужен был наставник, она вышивала без проб и колебаний, ее пальцы как будто сами знали, как скручивать и переплетать нити, как делать особые стежки, рождая богатые узоры, словно лучащиеся разными цветами. Она не понимала, как в ней родилось это знание. Но оно хранилось в ее пальцах, которые и сейчас слегка дрожали от желания начать работу. Только бы ей позволили остаться.

3

Посланник, почесывая укусы насекомого на шее, пришел к Кире на рассвете и сообщил, что она должна прийти в Совет Хранителей ближе к полудню. Когда солнце было почти в зените, она привела себя в порядок и пошла, чтобы успеть к сроку.

Здание Совета было удивительно роскошным. Его возвели еще до Разрухи, случившейся так давно, что никто из ныне живущих, никто из их родителей или дедов еще тогда не родился. Люди знали о Разрухе только из Песни, которую ежегодно исполняли на Собрании.

Ходили слухи, что Певец, чья единственная обязанность состояла в том, чтобы ежегодно исполнять Песню, готовился к выступлению несколько дней, отдыхал и пил особые масла. Песня была длинной и требовала много сил. Она начиналась с начала времен и рассказывала всю историю народа на протяжении бесконечной чреды веков. Еще она была страшной. Прошлое было полно войн и катастроф. Самый большой страх наводила Песня, когда повествование доходило до Разрухи, конца цивилизации предков. В куплетах рассказывалось о ядовитых испарениях, больших разломах в земле, о том, как рушились огромные здания и их обломки уносили морские волны. Слушать Песню каждый год обязаны были все, но, когда доходило до описания Разрухи, матери, случалось, закрывали уши самых маленьких детей.

После Разрухи мало что сохранилось, но дом, который теперь назывался Зданием Совета, каким-то образом уцелел, крепкий и прочный. Он был невероятно старым. В нескольких окнах еще сохранились стекла с узорами темно-красного и золотого цвета – удивительно, учитывая, что сейчас никто не умел делать такую красоту. В окнах, где узорчатое стекло разбилось, теперь стояло обычное толстое стекло с пузырями и наплывами, сильно искажавшими вид. Другие окна были просто забиты досками, поэтому в некоторых помещениях царила полутьма. И все равно Здание поражало величием по сравнению с обычными хижинами поселка.

Как и приказал посланник, Кира пришла около полудня, прошла через пустой длинный зал, по бокам освещавшийся высокими светильниками, в которых шипело масло. Впереди она слышала голоса участников заседания, проходящего за закрытыми дверями: мужчины приглушенно спорили. Ее посох глухо стучал по деревянному полу, а хромота нога волочилась по доскам с таким звуком, как если бы она тащила за собой метлу.

«Гордись своей болью, – всегда говорила ей мать, – ты сильнее, чем те, у кого ничего не болит».

Кира вспомнила об этом и теперь старалась почувствовать гордость. Она расправила худые плечи и разгладила складки на грубой сорочке. Перед выходом она тщательно вымылась в чистой проточной воде и острой веточкой вычистила грязь из-под ногтей, расчесала волосы маминым деревянным резным гребнем, который сразу после ее смерти положила в свой маленький мешок. Затем она заплела волосы и завязала конец толстой черной косы кожаной ленточкой.

Глубоко вдохнув и отогнав дурные предчувствия, Кира постучала в тяжелую дверь зала. Дверь приоткрылась, и в темное помещение из щели проник луч света. Из зала выглянул стражник и посмотрел с подозрением, но затем жестом пригласил ее внутрь.

– Обвиняемая сирота Кира здесь! – объявил он, и голоса стихли. Все безмолвно повернулись в сторону Киры.

Зал был огромным. Кира бывала здесь раньше с матерью на торжествах, например на ежегодном Собрании. Тогда они сидели вместе с толпой зрителей на скамейках, рядами расставленных перед сценой со столиком, на котором возвышался Объект поклонения – загадочная деревянная конструкция из двух перекладин, соединенных крестообразно. Говорили, что в прошлом он обладал большой силой, и поэтому люди всегда быстро и почтительно кланялись ему.

Но теперь она была одна. Не было толпы, не было обычных жителей – только Совет Хранителей: двенадцать мужчин, сидящих к ней лицом за длинным столом у подножия сцены. В зале горело несколько рядов масляных ламп, а за каждым из мужчин – еще и его личный факел, освещавший кипы разбросанных по столу бумаг. Хранители внимательно следили за тем, как неуверенно она приближается к ним по проходу между скамьями.

Вспомнив, что так делают на каждой церемонии, подойдя к столу, она с почтением посмотрела на Объект поклонения и поспешно сложила руки в благоговейном жесте – ладони вместе, кончики пальцев у подбородка. Хранители одобрительно закивали. По всей видимости, она все сделала правильно. Немного расслабившись, она стала ждать, спрашивая себя, что же будет дальше.

Стражник у двери, услышав, что стучит кто-то еще, объявил второго посетителя.

– Обвинитель Вандара! – крикнул он.

Значит, они обе предстанут перед Советом. Вандара быстро подошла к столу. Кира с удовлетворением отметила, что Вандара была босиком и неумытая; значит, она никак специально не готовилась. Возможно, никакая подготовка и не требовалась, но у Киры было чувство, что, приведя себя в порядок, она добилась капли уважения к себе, получила небольшое преимущество.

Вандара благоговейно сложила руки. Значит, в этом у них ничья. Затем Вандара поклонилась, и Кира с некоторым беспокойством увидела, что Хранители кивнули ей.

«Я должна была поклониться. Мне надо найти повод, чтобы поклониться», – в отчаянии подумала она.

– Мы собрались, чтобы рассудить ссору, – сказал властным голосом Главный Хранитель, седовласый мужчина с четырехсложным именем, которое Кира никак не могла запомнить.

«Я ни с кем не ссорилась. Я просто хочу построить дом и начать жизнь заново», – возразила она про себя.

– Кто обвинитель? – спросил седовласый мужчина.

Кира подумала, что он, конечно, знает кто. Вопрос казался частью формальной процедуры. На него ответил другой Хранитель, плотный мужчина в конце стола, перед которым лежали несколько толстых книг и стопка бумаг. Кира с любопытством разглядывала тома. Она всегда мечтала уметь читать. Но женщинам это не разрешалось.

– Обвинитель – женщина Вандара.

– А кто обвиняемый?

– Обвиняемая – девушка-сирота Кира.

Мужчина глянул в бумаги, но, похоже, не читал по ним.

«Обвиняемая? В чем меня обвиняют? – Вновь услышав это слово, она почувствовала, что ее захлестывает волна страха. – Но я могу использовать это как повод, чтобы поклониться и продемонстрировать свою смиренность». И она поклонилась, признавая себя обвиняемой.

Седовласый бесстрастно смотрел на обеих. Кира, опираясь на посох, пыталась стоять как можно прямее. Она была почти того же роста, что и ее обвинительница. Но Вандара была старше, тяжелее и без увечий, если не считать шрама, напоминавшего о ее победе в сражении с тварью. Каким бы уродливым он ни был, он подчеркивал ее силу. За увечьем Киры не скрывалось никакой яркой истории, и рядом с обезображенной злой женщиной она чувствовала себя слабой, убогой и обреченной.

– Обвинительница будет говорить первой, – распорядился Главный Хранитель.

Голос Вандары был твердым и полным горечи:

– Девочку надо было отправить на Поле, как только она родилась и пока ей не дали имя. Таков обычай.

– Продолжай, – сказал Главный Хранитель.

– Она была с изъяном. А еще без отца. Ее не надо было оставлять.

«Но я была сильной. И у меня были умные глаза. Так мама говорила. Она не отдала бы меня. – Кира переступила с ноги на ногу, вспоминая историю своего рождения и раздумывая, будет ли у нее возможность рассказать ее здесь. – Я так сильно схватила ее за большой палец».

– Все эти годы мы все терпели ее присутствие, – продолжала Вандара, – но она не приносила пользы. Она не может копать, сажать растения или вырывать сорняки, она даже не может ухаживать за домашними животными так, как это делают другие девочки в ее возрасте. Волочит за собой свою сухую ногу и ходит медленно. И еще она много ест.

Совет Хранителей внимательно слушал. Кира покраснела от смущения. Действительно, она много ела. Все, что говорила ее обвинительница, было правдой.

«Я могу попробовать есть меньше. Я могу голодать». Кира мысленно готовилась к защите, но уже сейчас чувствовала, что это будет выглядеть как слабость и нытье.

– Ее оставили вопреки правилам потому, что ее дед все еще был жив и обладал властью. Но его давно нет, на его место пришел другой, у которого еще больше власти и мудрости...

Вандара сочилась любезностями, чтобы склонить всех на свою сторону, и Кира быстро взглянула на Главного Хранителя, проверяя, поддался он лести или нет. Но его лицо было непроницаемо.

– Ее отца убили твари еще до того, как она родилась. А теперь умерла и мать, – продолжала Вандара. – Есть даже основания думать, что болезнь ее матери представляла опасность для остальных...

«Нет! Она единственная заболела! Посмотрите на меня! Я лежала рядом, когда она умерла, и не заразилась!»

– ...и женщинам нужен тот участок, где стояла их хижина. А бесполезная девчонка не нужна. Она не выйдет замуж. Она же калека! На нее тратится место и еда, она портит наших послушных детей, рассказывая им свои истории, учит их играм, и они шумят и мешают работать...

Главный Хранитель взмахнул рукой.

– Хватит, – объявил он.

Вандара нахмурилась и замолчала. Потом слегка поклонилась.

Главный Хранитель оглядел одиннадцать собравшихся за столом мужчин, словно ожидая от них замечаний или вопросов. Каждый из них по очереди кивнул. Никто ничего не сказал.

– Кира, – произнес седовласый Главный Хранитель, – ты двусложная девушка, и от тебя не требуется выступать в собственную защиту.

– Не выступать в свою защиту? Но... – Кира собиралась поклониться еще раз, но в спешке забыла. Потом вспомнила, и ее поклон вышел неловким и запоздалым.

Он вновь взмахнул рукой, требуя от нее тишины. Она заставила себя замолчать и прислушаться.

– Из-за того, что ты еще юна, – пояснил он, – у тебя есть выбор. Ты можешь защищать себя сама...

Она вновь встряла, не в силах сдержаться:

– О да, я хочу защита...

Он не обратил внимания на ее возглас.

– Или мы назначим тебе защитника. Защищать тебя будет один из нас, опираясь на свою мудрость и опыт, которых больше, чем у тебя. Остановись и подумай, потому что от этого может зависеть твоя жизнь, Кира.

«Но вы все мне чужие! Разве вы можете рассказать историю моего рождения? Разве вы можете описать мои умные глаза и как сильно я схватила мамин палец?»

Кира беспомощно стояла, понимая, что на кону ее будущее. Сбоку она чувствовала враждебность; Вандара дышала часто и зло, хотя ничего не говорила. Она оглядела мужчин, сидевших вокруг стола, пытаясь понять, какими защитниками они будут. Но не чувствовала от них

ни враждебности, ни заинтересованности; она видела, что они только ждут, какое решение она примет.

Пока Кира мучительно колебалась, ее руки все глубже опускались в карманы тканой сорочки. Она почувствовала знакомую форму деревянного гребня матери и погладила его, чтобы успокоиться. Большим пальцем она нащупала маленький квадратный лоскуток вышитой ткани. В эти тревожные дни она совсем забыла о нем; теперь же вспомнила, как этот узор ее руки вышивали сами, пока она сидела рядом с матерью, доживавшей последние дни.

Когда она была намного младше, к ней вдруг пришло это умение, и она помнила, каким удивленным было лицо матери, увидевшей, как однажды днем Кира уверенно выбирает нити и вышивает узор. «Я не учила тебя этому! – сказала мать одобрительно и потрясенно. – Я бы так не смогла!» Кира и сама не могла толком объяснить, что произошло. Знание появилось почти как по волшебству, словно нити говорили с ней или пели. После того первого раза это знание только росло.

Она смяла лоскуток и вспомнила, что он умеет успокаивать ее, внушать уверенность. Сейчас Кира чувствовала себя совсем неуверенно. У нее не было речи в собственную защиту. Она поняла, что ей придется передать роль защитника одному из этих чужих мужчин.

Она испуганно посмотрела на них, и один твердо и успокаивающе взглянул на нее. Наверняка он сыграет роль в ее судьбе. А еще она почувствовала в нем знания и опыт. Кира глубоко вздохнула. Вышитый лоскуток привычно лежал в руке и грел ладонь. Она дрожала. Но ее голос звучал уверенно.

– Пожалуйста, назначьте мне защитника, – сказала она.

Главный Хранитель кивнул.

– Джемисон, – сказал он твердо и кивнул человеку, который сидел через одного слева от него.

Человек со спокойными и внимательными глазами встал, чтобы защитить Киру. Она ждала.

4

Так вот, значит, как его звали. Джемисон – это имя ей было незнакомо. Поселок был большим, а взрослые мужчины и женщины к тому же редко пересекались.

Он встал. Высокий человек с довольно длинными темными волосами, аккуратно зачесанными назад и схваченными резной деревянной заколкой, сделанной молодым резчиком – как его там? Томасом. Да, Томас-резчик, так его звали. Еще мальчик, не старше Киры, но уже славился своими способностями, а вырезанные им поделки пользовались большим спросом среди благородных жителей поселка. У простых людей украшений не было. Мать Киры носила на шее кожаный ремешок с подвеской, но она всегда прятала ее под одеждой.

Защитник взял кипу бумаг, лежавшую на столе перед ним; Кира видела, как он скрупулезно делал пометки, слушая обвинительницу. Руки у него были большие и мускулистые, пальцы длинные, на правом запястье он носил кожаный браслет. Двигался Джемисон уверенно: никаких колебаний или нерешительности. Он был довольно молодым: звали его трехсложно и седины в его волосах Кира не заметила. Она решила, что он, наверное, ровесник ее матери и за плечами у него полжизни.

Он посмотрел на лист, лежавший сверху кипы. Кира со своего места могла видеть записи, которые он изучал. Вот если бы она умела читать!

Затем он заговорил.

– Я отвечу на обвинения по порядку, – сказал он.

Глядя в бумаги, он повторил сказанные Вандарой слова, но без ее ярости.

– «Девочку надо было отправить на Поле, как только она родилась и пока ей не дали имя. Таков обычай».

«Так вот что он помечал все это время! Он записывал сказанное, чтобы повторить эти слова!» Хотя ей было тяжело слышать эти обвинения, Кира с благоговением поняла, как много значит повторение. Теперь никто не будет спорить о том, что именно было сказано раньше. Как часто драки среди детей начинались со слов: «Ты сказал», «Я сказал», «Он сказал, что ты сказал» и их бесконечных вариаций.

Джемисон положил бумаги на стол и взял тяжелый том в зеленом кожаном переплете. Кира заметила, что такой был у каждого из Хранителей.

Он открыл страницу, заложенную им во время слушаний. Кира видела, как он листал книгу, пока Вандара выступала с обвинительной речью.

– Обвинительница права, таков обычай, – сказал он Хранителям. Кира почувствовала, что ее неожиданно предали. Разве его не назначили ее защитником?

Теперь он указывал на страницу с убористым текстом. Кира видела, что некоторые мужчины обратились к своим томам и нашли этот же абзац. Другие просто кивнули, словно ясно помнили все и им не было нужды перечитывать.

Она заметила, что Вандара слегка улыбнулась.

Почувствовав поражение, Кира вновь стала теребить лоскуток ткани в своем кармане. Он уже не казался теплым. Он не утешал.

– Однако, если обратиться к третьему своду поправок... – продолжил Джемисон.

Все Хранители перевернули страницы в своих томах. Даже те, чьи тома оставались закрытыми, взяли их и стали искать нужное место.

– ...становится очевидным, что здесь возможны исключения.

– Возможны исключения, – повторил один из Хранителей, читая и двигая пальцем по странице.

– Таким образом, мы можем оставить в стороне утверждение, что таков обычай, – уверенно сказал Джемисон. – Так следует поступать не всегда.

«Значит, все-таки он мой защитник. Возможно, ему удастся сохранить мне жизнь!» – подумала Кира.

– Ты хочешь что-нибудь сказать? – спросил у нее защитник.

Сжав свой лоскуток, она отрицательно помотала головой.

Он вновь стал листать записи.

– «Она была с изъяном. А еще без отца. Ее не надо было оставлять».

Слышать это было тяжело, тем более что это была правда. А еще у Киры болела нога. Она не привыкла так долго стоять без движения. Она снова попробовала перенести вес на здоровую ногу, чтобы облегчить нагрузку на увечную.

– Это верные обвинения. – Джемисон повторил очевидное своим ровным голосом. – Девочка Кира родилась несовершенной. У нее был явный и неизлечимый изъян.

Хранители пристально смотрели на нее. Смотрела на нее и Вандара – с презрением. Кира привыкла к тому, что ее разглядывают. Над ней смеялись с детства. Благодаря матери, которая была ей опорой и поддержкой, она научилась выносить это с гордо поднятой головой. Вот и сейчас она глядела в глаза своим судьям.

– И у нее нет отца, – продолжал Джемисон.

Кира вновь услышала голос матери, объясняющей ей, как это произошло. Она была маленькая и не могла понять, почему у нее нет отца.

«Он не вернулся с большой охоты. Это было до того, как ты родилась, – мягко говорила мать. – Его забрали твари».

Она услышала, что те же слова произносит Джемисон – словно бы ее мысли услышали все.

– До того как она родилась, ее отца забрали твари, – пояснил он.

Главный Хранитель поднял глаза от своих бумаг. Повернувшись к сидящим за столом, он остановил Джемисона:

– Ее отец – Кристофер. Он был хорошим охотником, одним из лучших. Возможно, некоторые из вас его помнят.

Несколько мужчин кивнули. Кивнул и ее защитник.

– Я был с охотниками в тот день, – сказал он, – я видел, как его схватили.

Неужели Джемисон действительно видел, как схватили отца? Кира никогда не слышала подробностей этой трагедии. Она знала только то, что рассказывала ей мать. И вот в нескольких шагах от нее человек, который был с отцом в его последний день!

«Ему было страшно? Было моему отцу страшно или нет?» Этот странный непрошенный вопрос она не произнесла вслух. Ей самой было страшно. Она чувствовала ненависть Вандары, стоящей сбоку. Казалось, Киру саму забирают твари и она вот-вот погибнет. Она попыталась представить, как чувствовал себя отец в последние минуты жизни.

– Но и здесь применим третий свод поправок, – объявил Джемисон. – На обвинение «Ее не надо было оставлять» я отвечу, что согласно третьему своду возможны исключения.

Главный Хранитель кивнул.

– Ее отец был славным охотником, – повторил он. Остальные собравшиеся за столом мужчины вслед за ним одобрительно загудели.

– Ты хочешь что-нибудь сказать? – спросили ее. Но она снова покачала головой. Она снова предпочла воздержаться.

– «Она не приносила пользы», «она не может копать, сажать растения или вырывать сорняки, она даже не может ухаживать за домашними животными так, как это делают другие девочки в ее возрасте», «волочит за собой свою сухую ногу и ходит медленно», – продолжал он, а когда стал читать последнюю фразу, Кира заметила, что на его лице мелькнула улыбка. – «И еще она много ест».

Он на мгновение замолчал. А затем проговорил:

– Как защитник, я соглашусь с некоторыми из этих утверждений. Понятно, что она не может копать, сажать растения, вырывать сорняки или ухаживать за домашними животными. Но мне кажется, она научилась приносить пользу. Скажи, Кира, ведь ты работаешь в ткацкой артели?

Кира удивилась и утвердительно кивнула. Откуда он знает? Мужчин обычно не интересует, где работают женщины.

– Да, – сказала она слабым от напряжения голосом. – Я там помогаю. Я не тку, но убираю мусор и готовлю станки. Это работа, которую я могу сделать своими руками. И я сильная.

Она хотела было упомянуть про свое умение вышивать, которое, как она надеялась, поможет ей зарабатывать на жизнь, но не могла придумать, как сказать это, не выглядя тщеславной. Поэтому она промолчала.

– Кира, – сказал он, – продемонстрируй свой изыск членам Совета Хранителей. Покажи, как ты ходишь. Дойди до двери и обратно.

Это жестоко, подумала она. Ведь все же знают про ее ногу. Зачем ей хромать под этими взглядами? Как унижительно. Она хотела отказаться или хотя бы возразить. Но ставки были слишком высоки. Это же не детская игра, где споры и драки – нормальное дело. Сейчас на кону ее будущее. Кира вздохнула и повернулась. Опираясь о посох, она медленно пошла к двери. Закусив губу, она на каждом шагу привлекала больную ногу и чувствовала на себе презрительный взгляд Вандары.

Дойдя до двери, Кира повернулась и медленно пошла на место. У нее заболела ступня, а затем жгучая боль распространилась по всей больной ноге. Она очень хотела сесть.

– Действительно, она хромает и медленно ходит, – зачем-то повторил Джемисон, – я согласен с этим. Однако она вполне справляется со своей работой в артели. Она каждый день приходит туда к определенному времени и никогда не опаздывает. Ткачихи ценят ее помощь.

Много ли она ест? – хмыкнул он. – Думаю, нет. Посмотрите, какая она худая. Ее вес опровергает это обвинение. – А потом добавил: – Но кажется, сейчас она голодна. Я так уж точно. Предлагаю сделать перерыв и поесть.

Главный Хранитель встал.

– Ты хочешь что-нибудь сказать? – спросил он у Киры в третий раз.

И в третий раз она отрицательно покачала головой. Она ужасно устала.

– Вы можете сесть, – разрешил он Кире и Вандаре. – Еду сейчас принесут.

Кира благодарно опустилась на ближайшую скамейку. Она стала одной рукой растирать свою дрожащую ногу. Через проход она увидела, что Вандара поклонилась – («Я опять забыла! Мне надо было поклониться»), – а затем села с каменным лицом.

Главный Хранитель взглянул на кучу лежавших перед ним бумаг.

– Осталось еще пять обвинений, – сказал он. – Мы разберемся с ними и примем решение после.

Появилась еда, которую принес стражник, стоявший у двери. Одно блюдо передали Кире. Она почувствовала запах жареного цыпленка и теплого хрустящего хлеба, обсыпанного цельными зернами. Она уже несколько дней не ела ничего, кроме сырых овощей, а курицу пробовала давно – много месяцев назад. Но в ушах у нее по-прежнему звучал голос Вандары, пронзительный и обвиняющий: «Она много ест».

Боясь обнаружить свой страшный голод, Кира лишь немного отщипнула вкуснейшего мяса и хлеба. Затем оставила полупустую тарелку в сторону и сделала несколько глотков воды из чашки. Уставшая, все еще голодная и испуганная, она погладила лоскуток в кармане и стала ждать следующей порции обвинений.

* * *

Двенадцать Хранителей ушли куда-то через боковую дверь. Возможно, там была отдельная столовая. Затем пришел стражник, забрал ее поднос и объявил время отдыха. Ей сказали, что суд возобновится, когда колокол ударит дважды. Вандара встала и вышла из зала. Кира немного подождала, затем направилась к выходу из Здания Совета, прошла через длинный холл и вышла наружу.

Мир не изменился. Люди ходили туда-сюда, делали разную работу, громко ругались. Она слышала высокие голоса с рыночной площади: женщины возмущенно кричали, что цены слишком высокие, и им что-то отвечали продавцы. Плакали младенцы, дети постарше дрались, бездомные собаки рычали друг на друга, сражаясь за брошенные кем-то объедки.

Она увидела Мэтта, он пробежал мимо с другими детьми. Заметив Киру, он сбавил шаг, затем остановился.

– Короче, жерди для тебя уже есть, – прошептал он. – Мы с пацанами, того, их в кучу сложили. А опосля, если захочешь, будем строить тебе хижину.

Он замолчал и посмотрел на нее с любопытством:

– Ну, типа если тебе нужна хижина. А чё там?

Значит, Мэтт знал о суде. Его ничем не удивишь, он знает обо всем, что происходит в поселке. Кира пожала плечами, изображая равнодушие. Она хотела скрыть свой страх.

– Много разговоров, – сказала она мальчику.

– А эта там? Которая со шрамом?

Кира поняла, о ком он.

– Да, она обвинительница.

– Злая она, Вандара эта. Говорят, убила своего малявку. Вроде как дала ему олеандр. Села и держала ему голову, пока не съел. А он-то не хотел.

Кира слышала эту историю.

– Это признали несчастным случаем, – напомним она Мэтту, хотя сама в этом сомневалась. – Другие дети тоже травились олеандром. Опасно, когда ядовитое растение растет повсюду и малыши могут до него добраться. Его надо бы вырвать.

Мэтт покачал головой.

– Зато от него учатся, – проговорил он. – Как-то я взял его, так мамка мне такую затрепину отвесила! Думал, шея сломалась. Но теперь я знаю про олеандр и что трогать его нельзя.

– Что ж, Совет Хранителей судил Вандару и постановил, что она не делала этого, – повторила Кира.

– А все-таки она злая. Говорят, из-за этой раны. Боль сделала ее жестокой.

«А меня боль сделала гордой», – подумала Кира, но не сказала этого.

– А когда суд закончится?

– Сегодня, попозже.

– Будет тебе хижина. Поможем.

– Спасибо, Мэтт, – сказала Кира, – ты настоящий друг.

Он покраснел от смущения.

– Хижина нужна. – Он повернулся, чтобы догнать других мальчишек. – Чтобы было где слушать твои истории.

Кира улыбнулась, глядя ему вслед. Колокол на Здании Совета ударил дважды. Она развернулась и пошла обратно.

* * *

– «Ее оставили вопреки правилам потому, что ее дед все еще был жив и обладал властью. Но его давно нет». – Джемисон читал следующее обвинение из списка.

Ей разрешили сидеть во время вечернего заседания. И Вандаре тоже сказали сесть. Кира была за это благодарна. Если бы Вандара осталась стоять, ей бы пришлось заставить себя забыть о боли в ноге и тоже стоять.

И снова Хранитель, ее защитник, сказал, что из правил бывают исключения. Теперь, какими бы страшными ни были обвинения, их повторение просто утомляло. Кира старалась не отвлекаться. Держа руку в кармане, она гладила лоскуток вышитой ткани и вспоминала, какие на нем цвета.

Обычно все жители поселка использовали ткань желто-коричневого цвета; бесформенные сорочки и штаны зашивали и заштопывали, чтобы они защищали от дождя, колючек и ядовитых кустов. Обычно ткань ничем не украшали.

Но мать Киры владела искусством красильщицы. Именно из ее пятнистых от краски рук выходили разноцветные нити, которые использовались очень редко. Мантия, в которой ежегодно выступал Певец, исполнявший Песню Разрухи, была богато расшита. На ней были изображены сложные сцены, вышитые много веков назад. Эту мантию носили все Певцы, она переходила от одного к другому. Однажды много лет назад Катрину попросили заменить несколько порвавшихся и торчавших наружу нитей. Кира тогда была еще маленькой, но она все помнила: мать стояла в темном углу хижины, когда стражник принес знаменитую мантию. Кира смотрела, как мать протыкает ткань костяной иглой с толстой яркой нитью; постепенно золотая нить закрыла небольшую протершуюся дырку на рукаве. И мантию унесли.

Кира помнила, что в тот год во время Собрания они с матерью во все глаза глядели на сцену, пытаясь со своих мест увидеть залатанное место на одеянии размахивающего руками Певца. Но они сидели слишком далеко, а залатанное место было слишком маленьким.

С тех пор каждый год мантию приносили матери, чтобы та немного подлатала ее.

– Однажды моя дочь сможет делать то же самое, – сказала как-то Катрина стражнику. – Смотри, что она сделала!

Она показала ему лоскуток, который Кира только что закончила, один из тех, что волшебным образом сами рождались в ее пальцах.

– Она намного способнее меня.

Кира тихо стояла, смущенная, но гордая, пока стражник разглядывал ее вышивку. Он ничего не сказал, просто кивнул и вернул ей небольшой лоскуток. Но в его глазах светился интерес, она это видела. И с тех пор каждый год он просил ее показать свою работу.

Кира всегда стояла рядом с матерью, никогда не дотрагиваясь до хрупкой древней ткани и всякий раз с восторгом глядя на богатые оттенки цветов, с помощью которых рассказывалась история мира. Золотые, красные и коричневые. А здесь когда-то был голубой, а теперь светлый, почти белый. Мать показывала ей выпцветшие участки.

Мать не знала, как делать синюю нить. Иногда они говорили об этом, Кира и Катрина, глядя на огромную перевернутую чашу небес над их миром. «Если бы только я могла делать синий, – говорила мать. – Я слышала, что где-то есть особое растение». Она смотрела на свой сад, полный цветов и других растений, из которых она умела делать золотой, зеленый и розовый красители, и качала головой, безнадежно мечтая о краске, которая не получалась.

Теперь ее мать умерла.

– «А теперь умерла и мать».

Кира вздрогнула и очнулась от своих воспоминаний. Кто-то произнес эти слова. Она прислушалась.

– «Есть даже основания думать, что болезнь ее матери представляла опасность для остальных. И женщинам нужен тот участок, где стояла их хижина. А бесполезная девчонка не нужна. Она не выйдет замуж. Она же калека. На нее тратится место и еда, она портит наших послушных детей, рассказывая им свои истории, учит их играм, и они шумят и мешают работать».

Заседание тянулось. Повторялись обвинения Вандары, и защитник вновь и вновь ссылался на поправку, которая допускала исключения.

Кира заметила, что тон его изменился. Совсем чуть-чуть, но разницу она уловила. Что-то произошло между членами Совета Хранителей, пока они были на обеде. Вандара беспокойно ерзала на своей скамье, и Кира поняла, что ее обвинительница тоже заметила эту перемену.

Кира, сжимая свой лоскуток-талисман в кармане, неожиданно почувствовала, что он вновь стал теплым и приятным на ощупь.

В тех редких случаях, когда у нее было свободное время, Кира часто упражнялась с остатками цветных нитей и по мере того, как ее удивительный дар развивался, чувствовала все большую силу в кончиках пальцев. Она использовала кусочки ткани из ткацкой артели. Ей это позволяли. Она специально попросила разрешения уносить обрезки ткани к себе в хижину.

Иногда, когда ей нравилась вышивка, она показывала лоскуток матери, и та в ответ быстро и одобрительно улыбалась. Но чаще всего Кире не нравилось, что получалось, это были неровные ученические работы; она их выбрасывала.

Тот лоскуток, который она сейчас держала в правой руке, она вышила, пока мать лежала больная. Беспомощно сидя подле умирающей женщины, Кира снова и снова наклонялась, чтобы поднести чашку с водой к ее губам. Она расчесывала ей волосы, растирала холодеющие ноги и держала дрожащие руки, зная, что больше ничего не может сделать. Пока мать беспокойно спала, Кира разложила разноцветные нити в своей корзинке и с помощью костяной иглы начала вышивать лоскуток. Это ее успокаивало и помогало скоротать время.

Нити пели. Песня состояла не из слов и нот, это была пульсация, дрожь, отдававшаяся в руках так, словно нити жили своей жизнью. Впервые ее пальцы не направляли нити, а сами следовали за ними. Она закрыла глаза и просто чувствовала, как иголка протыкает ткань, еле успевая за торопящимися, вибрирующими нитями.

Мать что-то пробормотала, и Кира наклонилась и смочила ее пересохшие губы. И только тогда она взглянула на маленький кусочек ткани у себя на коленях. Он лучился. В сумраке хижины – уже начиналась ночь – золотые и красные нити пульсировали так, словно само утреннее солнце скользило по ним своими косыми лучами. Сияющие нити пересекались в сложном орнаменте, который Кира никогда до этого не видела, который она не могла создать, о котором она не могла ничего знать или слышать.

Когда глаза матери открылись в последний раз, Кира протянула яркий кусочек ткани так, чтобы умирающая женщина его увидела. К тому моменту Катрина уже не могла говорить. Но она улыбнулась.

Теперь лоскуток словно бы передавал Кире беззвучное пульсирующее послание. Он сообщал ей, что опасность остается. Но еще он говорил, что она будет спасена.

5

Кира только сейчас заметила, что на полу за креслами Хранителей поставили большой ящик.

До перерыва на обед его не было.

Один из стражников после кивка Главного Хранителя поставил ящик на стол и поднял его крышку. Джемисон, ее защитник, вынул вещь, которую Кира немедленно узнала.

– Мантия Певца! – громко и восторженно воскликнула она.

– При чем здесь это? – процедила сквозь зубы Вандара. Но и она наклонилась вперед, чтобы лучше видеть.

Великолепную мантию разложили на столе, и теперь все могли ее рассмотреть. Обычно ее можно было увидеть только раз в год, когда весь поселок собирался послушать Песню, длинную историю их народа. Большинство видело мантию Певца только издали, все вытянули шеи, чтобы получше разглядеть ее.

Но Кира хорошо знала, как выглядит мантия, потому что каждый год смотрела, как ее мать трудится над ней. Рядом всегда стоял внимательный стражник. Кире было запрещено прикасаться к мантии, но она завороченно наблюдала мастерскую работу матери, то, как она выбирает единственно верный оттенок нити.

Там, на левом плече! Кира помнила это место, где только в прошлом году выбилось несколько истлевших нитей, которые мать удалила. Затем она выбрала бледно-розовую и более темную розовую нить и другие оттенки вплоть до темно-красного, причем каждый оттенок лишь ненамного отличался от предыдущего. Она нанесла стежки, и они совершенно потерялись в сложном орнаменте.

Джемисон наблюдал за Кирой, погруженной в воспоминания. А затем сказал:

– Твоя мать учила тебя этому искусству.

Кира кивнула:

– С самого детства.

– Твоя мать была умелой работницей. Ее красители были очень стойкими. Они никогда не выцветали.

– Она была аккуратной, – сказала Кира, – и делала все основательно.

– Нам говорят, что ты еще способнее, чем она.

«Так они знали!»

– Мне еще многому надо научиться, – сказала Кира.

– Она учила тебя красить, не только вышивать?

Кира кивнула, потому что видела: он хочет, чтобы она ответила утвердительно. Но это была не совсем правда. Мать собиралась обучить ее искусству готовить красители, но все ждала подходящего времени, а потом заболела. Кира хотела дать честный ответ.

– Мама начала меня учить, – сказала она. – А ее обучила женщина по имени Аннабель.

– Теперь ее зовут Аннабелла, – подсказал Джемисон.

Кира была поражена:

– Она еще жива? И она четырехсложная?

– Аннабелла очень старая. У нее испортилось зрение. Но она еще может послужить источником.

«Источником чего?» Но вслух она ничего не сказала. Лоскуток в ее кармане излучал тепло.

Неожиданно встала Вандара.

– Я требую продолжить слушания, – сказала она резко и хрипло. – Защитник затягивает дело.

Встал Главный Хранитель. Другие Хранители, которые переговаривались между собой, замолчали.

Он обращался к Вандаре, и его голос не был добрым.

– Ты можешь идти, – сказал он. – Слушания завершены. Мы приняли решение.

Вандара молча стояла и не двигалась. Она с вызовом посмотрела ему в глаза. Главный Хранитель кивнул, и два стражника двинулись к ней, чтобы вывести ее из зала.

– У меня есть право узнать ваше решение! – крикнула Вандара, и ее лицо исказилось яростью. Она вырвалась из рук стражников и повернулась лицом к Совету Хранителей.

– На самом деле, – сказал Главный Хранитель спокойным голосом, – у тебя вообще нет прав. Но я скажу тебе решение, чтобы все было ясно. Девочка-сирота Кира останется. У нее будет новая роль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.